
РЕЦЕНЗИИ

В. В. ПРУДНИКОВ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ

Р. ШУКУРОВА *

Shukurov R. Byzantine Ideas of Persia, 650–1461. London; New York: Routledge, 2024. 289 pp.

Рецензия посвящена анализу одного из ключевых концептов в монографии Р. М. Шукурова – образа исторического региона Хорасан в византийской культурной памяти. Рассматривается, как автор прослеживает эволюцию этого термина от узкого географического понятия до метафоры всего современного византийцам персидского мира, а затем и до обозначения сельджуков Малой Азии. Особое внимание уделяется методологическому новаторству Шукурова, который интерпретирует византийский «персизм» (Persianism) не как архаизм, а как живой инструмент осмысления современности. В рецензии проводится сравнение византийской рецепции Хорасана с его восприятием в латинских хрониках эпохи крестовых походов, что позволяет ярче выделить системность и адаптивность византийской модели. Делается вывод о фундаментальном вкладе работы в изучение византийской имагологии и механизмов межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: Хорасан, Византия, культурная память, имагология, сельджуки, Р. М. Шукуров.

Монография Рустама Мухаммадовича Шукурова «Byzantine Ideas of Persia, 650–1461» представляет собой фундаментальное исследование, меняющее наши представления о византийской картине мира. Работа посвящена эволюции византийских представле-

---

* **Для цитирования:** Прудников В. В. 2025. Рецензия на монографию Р. Шукурова. *Историческая психология и социология истории* 2: 158–160.

For citation: Prudnikov V. V. 2025. Review of the Monograph by R. Shukurov. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii = Historical Psychology & Sociology* 2: 158–160 (in Russian).

Историческая психология и социология истории 2/2025 158–160

ний о Персии на протяжении более восьми столетий. В рамках данной рецензии фокус сосредоточен на анализе одного из ключевых концептов работы – образа Хорасана – и его места в современном научном дискурсе.

В монографии Шукурова Хорасан (греч. Χορασάν) выступает не просто географическим топонимом, а смысловым стержнем, демонстрирующим переход от «мемориальной» Персии к актуальным контактам. Автор блестяще прослеживает его семантическую эволюцию в византийском сознании: от фазы усвоения и пояснения в VIII–IX вв. («внутренняя Персия» у Феофана Исповедника) через синонимизацию с «Персией» в X–XII вв. (как у Анны Комниной) к фазе экспансии значения в XII–XV вв. (Shukurov 2024: 134–135). В этот поздний период, в рамках византийской «локальной» логики этнической классификации, термин распространяется на сельджуков Малой Азии, а затем и на османов, становясь маркером всего «персидского» пространства (*Ibid.*: 144–146). Этот анализ показывает, что византийский образ Хорасана был адаптивным конструктом, эволюционировавшим вместе с меняющейся политической картой Востока.

Проведенный Шукуровым анализ приобретает дополнительную глубину при сопоставлении с исследованиями западной традиции, например с некоторыми работами, посвященными рассмотрению использования термина «Cogosanum» в латинских хрониках Первого крестового похода (Прудников 2023). Это сравнение позволяет выявить как универсальные, так и специфические черты восприятия. Общим является то, что и византийцы, и латинские хронисты видели в Хорасане не периферийную провинцию, а сердцевину мощи и идентичности противника, используя именно персидский/хорасанский культурно-исторический концепт для его категоризации (Прудников 2023: 92; Shukurov 2024: 144–145).

Однако между двумя традициями существуют фундаментальные различия, ярко подчеркивающие новаторство подхода Шукурова. Если в латинской традиции термин был синхронно заимствован, выполнял нарративную функцию и часто искажался (Прудников 2023: 95), то византийский образ Хорасана, как показывает Шукуров, был результатом долгой эволюции в рамках собственной культурной памяти. Он служил не просто описательным ярлыком, а эпистемологическим инструментом для интеграции нового опыта в сложившуюся картину мира («персизм») (Shukurov 2024: 189) и отличался постоянной семантической трансформацией на основе

прямых контактов и научных обменов, что привело к «вторичной персизации» (secondary Persianisation) эллинизма (Shukurov 2024: 163). Это сопоставление позволяет утверждать, что византийский образ Хорасана отличался системностью, исторической глубиной и интеграцией в основы самоидентификации, выступая в роли концептуальных «ворот на Восток» (gateway to the East) (*Ibid.*: 189).

Таким образом, разделы о Хорасане являются важным доказательством главной инновации монографии Шукурова: отказа от трактовки византийских «персидских» реминисценций как архаизма или экзотики в пользу понимания их как живого языка описания современности. Помещение этого вывода в сравнительный контекст только усиливает его. В качестве перспективы можно пожелать более детального сравнительно-имагологического исследования, прямо сопоставляющего византийский и латинский пути рецепции Хорасана.

В заключении анализ концепта Хорасана в монографии Р. М. Шукурова представляет собой выдающееся достижение. Автор не только восстанавливает сложную эволюцию этого образа, но и через него раскрывает саму природу византийского исторического сознания – гибкого, адаптивного, основанного на глубокой культурной памяти. Сравнение с параллельной латинской традицией делает выводы Шукурова еще более убедительными. Монография задает новый стандарт для исследований в области византийской имагологии и межкультурных взаимодействий.

Литература

Прудников, В. В. 2023. К вопросу о значении термина «Corosanum» в анонимной хронике первого крестового похода. *Восток (Oriens)* 3: 90–101.

Shukurov, R. 2024. *Byzantine Ideas of Persia, 650–1461*. London; New York: Routledge.